

Т. С. Чечвий

БЕРЕЗОВСКИЙ ЗАВОД НА СТРАНИЦАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Представлен краткий обзор художественных и публицистических произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка, связанных с Березовским заводом: описание общего вида Березовского завода конца XIX в. («С Урала» (Письмо девятое), история Березовских золотых промыслов (очерк «Золотое гнездо»), особенности ведения старательских работ и устройства золотопромывального завода, нравов жителей и характеров золотодобытчиков (очерки «В болоте» и «Зимняя вольница», роман «Золото»), сведения о ремеслах и демографии Березовского завода (очерк «Самоцветы»).

Ключевые слова: Березовский завод, золото, история золотодобычи, Березовские золотые промыслы, старатели, компания Асташева, гранильщики.

Природа и люди Урала, их взаимосвязь и взаимовлияние – основная нить произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка. Березовские золотые промыслы писатель упоминает и описывает неоднократно. Описание общего вида Березовского завода запечатлелось на страницах писем с Урала (Письмо девятое): «Общий вид березовских построек довольно веселый, даже с известными признаками довольства, хотя настоящие большие избы все старинной постройки, а новые избышки чуть слеплены из тонкого жердяка. Исключением является десяток новых хороших домов по главным улицам, но эти дома уже совсем «на городскую руку», а не на заводский манер, как строятся на всех уральских горных заводах... Самый веселый вид в Березовском заводе – это в центре с плотинки пруда. Налево площадь с красивым господским домом и тенистым садом, направо тоже площадь с каменной церковью посредине, сейчас под плотиной собственно «завод», т. е.

разные дробильные, толчейные и промывальные машины...» [С Урала. Письмо девятое, с. 317–318.].

Предваряет это живое описание очевидца довольно обширный экскурс в историю Березовских золотых промыслов, с приведением множества статистических сведений по золотодобыче, позаимствованный автором «из словаря покойного историка Чупина».

Дмитрий Наркисович серьезно изучал постановку горного дела на уральских и сибирских заводах. В конце 1880-х гг. он даже хотел заняться добычей золота, для чего намеревался взять в аренду золотоносные земли у башкир. Друзья по «золотоприисковым странствиям» вспоминали, что он так «врос» в тему старательского промысла, что сам отмывал шлихи, снимал пробы, работал на бутаре.

Результатом этих путешествий явилась статья «Золотое дело», напечатанная в «Ирбитском ярмарочном листке» в 1884 г. Она открыла серию произведений, вскрывающих проблемы золотого дела на Урале.

9 января 1885 г. Дмитрий Наркисович под псевдонимом Баш-Курт опубликовал в газете «Новости и биржевая газета» № 9 очерк «Золотое гнездо»; в «Волжском вестнике» за 1885 год – очерки из записной книжки охотника (№ 3 – «В болоте»; № 110–112 – «Зимняя вольница»), а в 1890 г. в журнале «Северный вестник» № 10/12 выходит очерк «Платина».

Очерк «Золотое гнездо» – подробное описание Березовского завода. Называя поселение типичным «золотым гнездом», автор отмечает многочисленное количество напастей, свалившихся на участников березовского промысла. Кто здесь только не работал: «сюда сгонялся народ со всех сторон и записывался в горнорабочие» [Золотое гнездо, с. 284]. Это были и рекруты, выслуживавшие здесь свой солдатский срок, и каторжные рабочие.

Словом, «этнографический состав представляет довольно запутанную картину»: «Наши березовские, вообще, отличаются большой нервностью... Народ был все опытный и создал настоящий героический период в

березовской истории, когда не столько разрабатывали золотоносные жилы, сколько тянули жилы из живых людей, избивая нещадно плетьюми и батогами, заключая в колодки и цепи и заживо гноя в застенках. Тогда были заложены первые основания для дальнейшей выработки березовской нервности» [Там же, с. 285].

Тяжелый каторжный труд и условия жизни людей на березовских приисках, описанные автором, вызывают содрогание: «Если про уральские горные заводы говорят, что они, как село скудельниче, купленное ценою крови, построены на костях человеческих, то это сказание к героическому периоду Березовска может быть применено сугубо... Палка, кнут и застенок служили этим неудобосказуемым немецким чинам единственным средством выбивать из березовской почвы жалкие золотые крохи, и в результате получилась не работа, а что-то вроде десяти египетских казней» [Там же, с. 285].

Жестокое время, когда за любую провинность судили военно-полевым судом. Каторга, взяточничество, легкость нравов, казнокрадство. Автор подчеркивает, что всё это – прямое влияние каторги. Варварские, низменные отношения между рабочим людом и начальством порождали злобу и безнравственность у людей. Обыкновенные человеческие отношения не приветствовались.

Пристрастие к воровству и сокрытию истинной картины «начальством» автор подчеркивает особо: «Урал там, где речь касается горного дела, представляется настоящим царством канцелярской тайны, так что добыть самые невинные цифры представляется колоссальным трудом» [Там же, с. 288]. И, как результат, – завышенная себестоимость березовского золота.

После отмены крепостного права золото в Березовском добывалось казенным способом, что тоже не уменьшило его стоимость. Отрядные артели работали повсеместно. Добывали как жильное, так и россыпное золото. Процветала организованная система воровства золота у государства, т. к.

принимали золото у артелей в несколько раз дешевле, чем потом сдавали в государственную казну.

Конечно, добычей золота занималось не все население Березовского. Развивались и кустарные промыслы: кузнечное, столярное, сапожное, камнерезное ремесла. Гранильному и камнерезному промыслу на Урале Мамин-Сибиряк посвятил очерк «Самоцветы», в котором приведены интересные сведения о численности и демографии березовских гранильщиков из статистического сборника екатеринбургского земства о промыслах в Екатеринбургском уезде, вышедшего в 1887 году под редакцией земского статистика П. Н. Зверева: «Вот цифры: в самом Екатеринбурге гранильным промыслом занимается 88 мужчин, 87 женщин, 38 мальчиков и 35 девочек; в Верх-Исетском заводе (от Екатеринбурга в 1 версте) 14 мужчин, 12 женщин, 8 мальчиков и 8 девочек; в Берёзовском заводе (12 вёрст от Екатеринбурга) 219 мужчин, 287 женщин, 161 мальчик и 187 девочек; наконец, в Мраморском заводе (40 верст от Екатеринбурга) 113 мужчин, 133 женщины, 105 мальчиков и 85 девочек. В общей сложности различной обделкой камня заняты 434 мужчины, 519 женщин, 312 мальчиков и 315 девочек. Из этих цифр, прежде всего, выступает перевес женской рабочей силы над мужскою: женщин работает больше, чем мужчин, на 85 человек, а девочек сравнительно с мальчиками – на 3 человека. Затем, взрослых занято обработкой камня 984 человек и детей 627 человек. Такое крупное преобладание женского и детского труда уже служит лучшим доказательством тех ненормальных условий, какими обставлен самый промысел, носящий характер кустарно-семейного производства... Во всяком случае, для берёзовского обывателя гранильный промысел не составляет серьёзной статьи заработка и часто он бьется из-за хлеба на воду, но дело в том, что на месте других работ меньше, чем в городе, а упомянутым 854 душам принадлежит всего 111 десятин покоса, 43 лошади, 55 коров и 6 голов мелкого скота. Значит, здесь работает открытая всем четырем ветрам голая беднота...» [Самоцветы, с. 313–314].

Из очерков Мамина-Сибиряка мы узнаем и о состоянии образования в Березовском заводе: «На десять тысяч березовского населения приходится всего две школы – мужская на 90 мальчиков и женская на 90 девочек, и в то же время больше 20 кабаков» [Золотое гнездо, с. 293].

Очерк «В болоте» имеет подзаголовок «Из записок охотника». В нем Мамин-Сибиряк с наблюдательностью натуралиста описывает заросшие озера Урала, опасные для путника: почва под ногами «колышется», нога иногда проваливается совсем. А над водой поднимаются тяжелые испарения. И еще один враг – болотная мошка и комары. Лето, жара, зной. И среди этих болот – неожиданная встреча с бабушкой-травницей и ее рассказ о Березовском заводе, тяжелом шахтерском промысле и жизни казенных людей: «...В Березовском заводе тогда мы жили, настоящие, значит, березовские были, а в те времена, ух, как строго было... Казенные были, а тут начальство сторожит, потому и с начальства тоже спрашивали. Давно это, милушка, было, тогда еще тебя и в помине-то не завелось, – ну, вот и присылают к нам в Березовск одного начальника, Павла Лександрыча... А как прислали его, народ весьма взвыл, волком взвыл, потому больно строг был Павел-то Лександрыч. Из немцев он; ну, и все требовать зачал, чтобы по закону, а тогдашние-то порядки хуже смерти были... Да и работа эта в Березовске на промыслах была самая проклятущая: золото добывали по шахтам, в земле, милушка, робили, как черви землю-то точили... Тяжелая была работа, ну, а начальство требует, а чуть что – сейчас палками... Нынче уж этого нет, а прежде у нас на промыслах за все палками мужиков колотили. Павел-то Лександрыч больно уж донял тогда весь Березовск: и работою и своими порядками... Пробовали его подкупать, как других начальников, так куда тебе – приступу нет. Просто бедовенная беда, народу-то по приискам тыщи приколотились – все заведовали... И раньше начальство было, и взятки оно брало, сколько хотело, и вообще действовало не по закону, а жилось куда легче, чем при Павле Лександрыче; а он все по закону делал...

Помаялись-помаялись наши мужики, а ведь тогда по-военному все было – везде солдаты стояли, казаки. Ну, старики, которые промеж себя поговорили, посоветовались и вырешили, что надо выручать мир, потому всем петля на шею...» [В болоте, С. 252].

Задобрить строгого неподкупного начальника «мир» решил старым проверенным способом: «подсунув» ему самую красивую девушку. То, что она была уже замужем, «мир» не особо волновало: «Баб разве спрашивают в этикие дела мешаться?.. Конечно, по промыслам бабы везде балуются, а в Березовском это даже совсем нипочем, а мне-то стало обидно, што меня свои же в яму толкают. И вскинулась я на дедушку, так с кулаками над ним и хожу: «Ты, такой-сякой, чему меня учишь, а? Как у тебя, старого, язык повернулся?..» А он на меня. «Разве, – говорит, – я тебя из-за денег посылаю, глупая? Ежели, – говорит, – мир так порешил, потому как от Павла Лександрыча житья нет... Мир-то больше нас с тобой. Послужи миру-то, а твоей вины тут никакой не будет». Я реветь, а дедушка смотрел-смотрел на меня, снял рубаху, повернулся спиной и говорит: «Смотри, дитяtko, какие у меня узоры-то нарисованы, да я не ревел, когда миру надо было послужить...» А спина у дедушки вся исполосована белыми рубцами, точно вот обожжена чем, и кости даже знать, где были измочалены палками... Это его палками наказывали, когда он еще в шахте робил и шахту затопил, потому ему тоже от мира наказ такой был. Ему за это за самое пятьсот палок и всыпали... Подневольный народ тогда был, замаяли подземной работой, вот мир и порешил шахту у начальства затопить, а дедушка в штегерях ходил – его и заставили...» [Там же, с. 253]

В этом небольшом рассказе, к сожалению, мало известном широкому кругу читателей, нравы и обычаи, характерные для заводских поселений Урала, представлены очень ярко и многое дают для понимания уклада жизни Березовского завода начала XIX века.

Мамина-Сибиряка живо интересовала и судьба крупнейшей на Урале Березовской компании, организованной в 70-е гг. XIX в. на месте бывших

казенных промыслов. Очерк «Зимняя вольница», вошедший в 4 том Полного собрания сочинений в 20 томах, не переиздавался с момента первой публикации в газете «Волжский вестник» в 1885 г. По сути это путевые заметки Дмитрия Мамина, составленные им во время поездки в марте 1985 г. в Березовский завод. Писателя интересовало, как ведутся зимние работы на промыслах, и он договорился с «одним знакомым золотопромышленником, Николаем Гавриловичем», успевшим сделать заявку на разработку участка в Монетной даче, на реке Пышме.

Из разговора со своим спутником Дмитрий Наркисович узнает, что, несмотря на «Устав о частной золотопромышленности», теоретически открывавший доступ к разработке золота «всем партикулярным людям, на практике обставился такими затруднениями, которые едва в состоянии перенести даже капиталисты средней руки, так что вся золотопромышленность теперь находится в руках наших богачей-кулаков, которые в состоянии побороть затруднения и за это получают сторицей с рабочих...» [Зимняя вольница, с. 269].

Не имея средств самостоятельно заявиться на участки, простые старатели вынуждены работать на чужих приисках и сдавать золото по той цене, которую заблагорассудится назначить хозяину, работать на свой страх и риск, хотя «простые мужики-старатели в золотом деле знают гораздо больше образованных горных инженеров!» [Там же, с. 269].

В итоге часто шахты, устроенные компанией Асташева «на широкую ногу», оснащенные машинами по последнему слову техники, оказываются брошенными: «Перед самым Березовским заводом, налево от дороги стоит заброшенная Ильинская шахта, которая, говорят, стоила компании полмиллиона; около нее целая площадь завалена пустыми породами! Золота эта дорогая шахта не дала, как и другие компанейские шахты; теперь от нее остался всего один каменный корпус да высокая кирпичная труба – и корпус, и труба выкрашены нежной розовой краской, эмблемой юности и... не оправдавшейся надежды» [Там же, с. 273].

В этом очерке писатель подробно описывал виды работ на золоте: устройство шахт и разрезов, промывку песков на вашгерде, геологические особенности жильного и коренного золота.

А что же представлял из себя сам Березовский завод, открывающийся глазам путешественника, едущего по тракту из Екатеринбурга? «...из-за зубчатой стены соснового леса открылась широкая, едва всхолмленная равнина, перечеркнутая в середине ничтожнейшей речонкой Березовкой.

Направо от селитьбы виднелась совсем голая «степь», как называют у нас всякое открытое место, налево – тоже; редкий сосновый лесок топорщился только по окраинам, точно скверно выбритая борода. Масса бревенчатых домиков облепила оба берега Березовки и на заднем плане слилась в одну сплошную полосу; на этом сером фоне красиво выделялись две заводских церкви, толчейная фабрика и несколько хороших домов с зелеными крышами. Ниже по течению р. Березовки расстилалась такая же пустыня, как и перед селеньем; один за другим вставали массивные бугры, едва тронутые жалкими остатками лесной поросли, точно они были посыпаны мелко нарубленной петрушкой» [Там же, с. 270]

На этих отвалах старатели «работали жилки» – кто семьями, кто артельно, а добытую кварцевую «жилку» сдавали на протолочку все тому же Асташеву, за немалые деньги, и сдавали золото в его же контору. С учетом всех вычетов рабочие получали в расчет в лучшем случае по 2 р. 50 к. за золотник, а компания Асташева это же самое золото в Екатеринбурге сдавала по 5 р. Недурная комбинация для золотопромышленников выходила.

На страницах романа «Золото», опубликованного в журнале «Северный вестник» в 1892 г., Мамин-Сибиряк дал яркую картину жизни Березовского завода и деятельности компании Вениамина Ивановича Асташева (в романе представлен как генерал Мансветов). На примере литературного «генерала-невидимки» Мамин-Сибиряк представил специфичную прослойку реального золотопромышленного предпринимательства конца XIX в. Л. Сапоговская обозначила этот тип золотопромышленников как «акционеры и пайщики» –

достаточно разнородное сообщество «представителей различных слоев общества, где принцы крови «сотрудничали» с мещанами заштатных городов...

Но исторической справедливости ради надо сказать, что к генералу Асташеву это не имело никакого отношения, поскольку на этом человеке в значительной мере «держалась» компания практически до самой его смерти. Да и другие представители свитского генералитета, обильно представленные в ряду пайщиков Березовской компании, во всяком случае на начальном этапе ее деятельности, проявляли, пожалуй, незаурядную активность (автора поразила, например, дотошная и дельная записка о состоянии дел лично побывавшего на Урале генерала К.И. Гершельмана). В целом же облик Березовской компании, довольно скоро отказавшейся, в лице своих акционеров, от громких планов постановки перспективного рудного дела и обратившейся к старательскому «легкому» россыпному золоту, довольно верно представлен писателем» [Сапоговская].

Точны и зримы описания мельчайших деталей добычи «проклянного» металла на Бальчуговском заводе. А за литературным Бальчуговским спрятан реальный Березовский завод. И догадаться об этом не сложно, ведь Маминым подчеркнута, что главная сила местных золотников – в добыче не жильного золота, а россыпного. Именно так было в Березовском. Березовский завод выдает себя многими деталями. Например, описанием толчеи. Толчея, на которой измельчался рудный кварц в Березовском заводе, отличалась от других бегунных приспособлений уральских промыслов. Чудное действо с отделением золота от кварца на амальгамированных ртутью листах проводилось уже с применением паровой машины. Прогрессу здесь способствовало мелководье речки Березовки (в романе она названа соответственно Бальчуговкой).

Много переключек в названиях шахт и приисков: прииск Богоданка образован от существовавшего Благодатного, литературная «дача Рублиха» созвучна с реальной «Монетной» и т.д.

Один из главных героев романа «Золото» носит прозвище Шишка. В реальном Березовском заводе работала шахта Шишкаревская, а по улице Исаевой (переименованной в 1930-м году в ул. Свободы) в 1863 году, по левой стороне, стоял дом Ведениса Кишкина. Может, именно он стал прототипом деда Шишки? У деда Шишки в произведении фамилия как раз Кишкин. Герой Мамина-Сибиряка – завистливый, охочий до золота старик, при казенных промыслах живший как барин, а при частном владельце донельзя обнищавший. Он старается любым путем разбогатеть. Для Ведениса Кишкина золото в те времена, наверное, тоже было смыслом жизни. И это отношение к драгоценному металлу в Березовском заводе передавалось от поколения к поколению – как дома, имущество и усадебные участки.

Дмитрий Наркисович оказался свидетелем многих преобразований, касающихся добычи золота на уральских и сибирских приисках, и отразил их на страницах своих произведений.

Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество : Критико-библиографический очерк. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. 336 с. : ил.

Зеленые горы, пестрый народ: В поисках связующих нитей : По следам путешествий Д. Н. Мамина-Сибиряка / авт. очерков А. П. Черноскутов, Ю. В. Шинкаренко. Екатеринбург : Сократ, 2008. 480 с. : ил.

Мамин-Сибиряк Д. Н. В болоте // Полное собрание сочинений в 20 т. Т. 4. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. 704 с. : ил. С. 247–255.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Зимняя вольница // Полное собрание сочинений в 20 т. Т. 4. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. 704 с. : ил. С. 266–283.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Золото : роман ; В дороге : очерки и рассказы / подготовка текста и коммент. И. А. Дергачева. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 448 с. С. 5–278.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Золотое гнездо // Полное собрание сочинений в 20 т. Т. 4. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. 704 с. : ил. С. 284–314.

Мамин-Сибиряк Д. Н. С Урала. Письмо девятое // Зеленые горы, пестрый народ: В поисках связующих нитей : По следам путешествий Д. Н. Мамина-Сибиряка / Авт. очерков А. П. Черноскутов, Ю. В. Шинкаренко. – Екатеринбург : Сократ, 2008. 480 с. : ил. С. 312–318.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Самоцветы // Статьи и очерки. Свердловск : Свердловское областное государственное издательство, 1947. 405, [2] с.

Патрушев В. Асташев и К. // Березовский рабочий. 2002. 6 июня. С. 2.

Паэгле Н. Дмитрий Мамин-Сибиряк. Екатеринбург : Сократ, 2017. 640 с. : 64 с. ил. (Жизнь замечательных уральцев).

Сапоговская Л. Золотопромышленники Мамина-Сибиряка: литературные персонажи и исторические типы // Урал. 2006. № 2. С. 204–212.

Стариков В. А. Жить тысячью жизней : повествование-хроника о жизни Д. Н. Мамина-Сибиряка. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. 384 с. : ил.